Я. И. ГИН

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «ГОРЕ»

Олицетворение имен существительных среднего рода в грамматическом плане весьма отлично от олицетворения имен мужского и женского рода, для которых проблемы выбора значения пола, как правило, нет. Что же касается субстантивов среднего рода, то для них не только вопрос выбора этого значения, но и вопрос соотношения граммемы рода и семы пола стоит очень остро: в современном русском языке существительное среднего рода никогда не имеет значения пола — при олицетворении формируются новые, окказиональные лексико-грамматические отношения, не ставшие до сих пор ни предметом писательской рефлексии, ни предметом лингвистического исследования. Высказанному же мнению некоторых языковедов о том, что сексуализация олицетворенных имен среднего рода является приемом, с лингвистической и эстетической точек зрения искусственным, незаконным[1], противоречит сама лингвопоэтическая реальность — в виде большого числа подобных персонификаций в фольклоре и литературе. Настоящая работа посвящена олицетворению *горя*, и цель ее — рассмотрение функционирования и взаимодействия различных приемов сексуализации субстантива среднего рода.

Образ Горя популярен в фольклоре (в лирических песнях, причитаниях, сказках) и в древнерусской литературе («Повесть о Горе-Злочастии»); в ряде текстов персонифицированное Горе приобретает признак пола. Особый интерес в этом плане представляет известная песня из сборника Кирши Данилова[2], привлекшая внимание многих исследователей. Начинается она так:

А и горя, горе-гореваньица!
А в горе жить — некручинну быть...

---

[1] См.: Миртов А. В. Родоизменяемые существительные.— Русский язык в школе, 1946, № 1, с. 18; Будагов Р. А. Стилистическое осмысление грамматической категории рода.— В сб.: Теория языка и инженерная лингвистика. Л., 1973, с. 22—23.

[2] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым/ Изд. подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов.— М., 1977, с. 198.

Далее *горе* как обозначение состояния сменяется олицетворением: по словам В. В. Виноградова, Горе «становится субъектом действия в рамках своего грамматического рода»[3]:

А и лыком горе подпоясалась[4],
Мочалами ноги изопутаны...

Поэтому повторяющийся оборот «А я от горя» приобретает, по замечанию Р. О. Якобсона, семантическую двуплановость: *я от кого* и *я от чего*[5]; в некоторых вариантах этой песни употреблена конструкция с предлогом «с» («с горя», «со горюшка»)[6], лишенная многозначности и потому проигрывающая в художественном отношении по сравнению с первым выражением.

Далее в тексте средний род уступает место мужскому роду-полу:

1) А я от горя в темны леса —
А горе прежде — век *зашел;*
А я от горя в почестный пир,—
А горе *зашел,* впереди сидит...
2) Как я наг-то стал, *насмеялся* он.

Исследователи (В. В. Виноградов, Р. О. Якобсон) подчеркивали динамику развертывания лексических и грамматических средств олицетворения в песне: «преодоление» среднего рода мужским — высшая точка, своеобразный апогей языковой антропоморфизации. Почему Горе мужского пола? Косвенную мотивировку пола Ф. И. Буслаев видел в том, что «в одном духовном стихе, вместо Горя, выведен Лукавый Враг»[7]. По нашему мнению, причиной маскулинизации является ассимиляция Горя с молодцем: Горе становится его двойником, почти тенью. Отметим, что в сборнике А. И. Соболевского, где опубликовано десять вариантов песни о Горе[8], в пяти из них (включая и текст К. Данилова) «я» — это молодец (№ 438—441, 446), в четырех «я» — это девица (№ 442—445) и в одном род-пол «я» никак не выражен (№ 447). В текстах, где действует ге-

---

[3] Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика.— М., 1963, с. 145.

[4] Здесь следует видеть не феминизацию образа, но отражение аканья на письме, см. комментарий А. П. Евгеньевой: Древние российские стихотворения, с. 420—421.

[5] Jakobson R. Selected writings, vol. 3: Poetry of grammar and grammar of poetry. Hague — Paris, 1981, p. 122.

[6] Великорусские народные песни: В 7-ми т./Изд. проф. А. И. Соболевским.— СПб., 1895, т. 1, с. 530, 533.

[7] Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: В 2-х т. — СПб., 1861, т. 1, с. 640.

[8] Великорусские народные песни, с. 514—537.

роиня, появление Горя связывается с мотивом замужества, например:

В воскресенье матушка замуж отдала,
К понедельнику горе привязалося[9].

Слова «я» и «горе» занимают во второй части текста Кирши Данилова тождественные позиции в образующих параллелизм смежных строках; последний же стих, где употреблены оба слова, сам делится на две симметричные части, в чем можно увидеть своеобразную ритмико-синтаксическую компрессию речи. «Единство и теснота стихового ряда» (Ю. Н. Тынянов), а также то обстоятельство, что оба персонажа обозначены местоимениями, подчеркивают семантико-грамматическую корреляцию — происходит обнажение приема: «я — он», «наг-то стал — насмеялся». Художественный эффект достигается благодаря напряжению между двумя противоположными тенденциями в развертывании повествования: в сюжете — растущее противоречие между главными героями, в языке — грамматическая ассимиляция их наименований.

Аналогичный переход олицетворенного Горя из среднего в мужской род совершается в двух вариантах народной песни, записанных на Печоре Н. П. Леонтьевым. Вариант А. Е. Поповой представляет собой пролог стилизованного автобиографического повествования: «Не одна я так жила,— в горе, в слезах, как в море. Недаром у нас и песня сложена:

Я от горюшка бегом,
Горе все передом,
Я от горя в горницу,
Горе сквозь оконницу,
Я от горя в темный лес,
Горе в пазуху залез»[10].

Лексико-грамматические приемы развертывания образа Горя в этом тексте близки словесной динамике в рассмотренной песне из сборника К. Данилова; разница в том, что у Поповой переход от обозначения состояния («в горе») к персонификации связан с переходом от прозы к стиху. Далее сказительница продолжает рассказ в прозе «о горе и нужде»: «От горя да от нужды некуда было убежать. Горе да нужда все время кругом меня обертывались, как два коршуна над головой. Куда ни пойди, а они там сидят»[11]. Появление синонимичного «горю» слова женского рода, видимо, призвано мотивировать мужской (противоположный) пол Горя.

---

[9] Великорусские народные песни, с. 532.
[10] Леонтьев Н. П. Печорский фольклор.— Архангельск, 1939, с. 132.
[11] Там же.

В варианте М. Р. Голубковой[12] Горе олицетворено с самого начала:

— Горе, горе, где живешь?
— В кабаке за бочкой.
. . . . . .
— Горе, горе, что жуешь?
— Сухари с водичкой.

Диалог с Горем сменяется повествованием, почти дословно совпадающим с вариантом Поповой, но рассматриваемый текст имеет более развернутый финал:

Я от горя в темный лес,
Горе в пазуху залез.
Куда бы ни совалася,
За все оно хваталося.

Истолковать «возвращение» к среднему роду («хваталося») как деперсонификацию невозможно: глагол «хвататься», как и «залезть», обозначает активное действие, присущее существу одушевленному; видимо, в данном тексте «горе» имеет признаки мужского и среднего родов одновременно. Важно отметить, что в обоих вариантах печорской песни мужской род Горя выражается формой глагола прошедшего времени — «залез», рифмующейся с существительным мужского рода «лес». Рифма эта соединяет признаки антиграмматичности и грамматичности: слова принадлежат разным частям речи, но оба имеют значение мужского рода. В этой и подобных рифмах, обусловленных «суперкатегориальностью»[13] (то есть охватом нескольких частей речи) категории рода, грамматическое значение рода актуализируется, выделяется на фоне противоположности всех остальных морфологических характеристик глагола и имени. Другие рифмы в печорской песне строго грамматичны: «бегом — передом», «горницу — оконницу»,— но именно рассмотренная рифма перекликается с распределением слов разных частей речи на границах стихов в варианте К. Данилова (точнее, во второй его части): строки, повествующие о молодце, оканчиваются существительными («леса», «пир», «кабак»), строки же, говорящие о Горе, оканчиваются глаголами («зашел», «сидит», «тащит»). Средний же род «горя» в варианте Голубковой выражается местоимением «оно» и глаголом «хваталося», стоящим в риф-

[12] Печорские былины и песни/Сост. Н. П. Леонтьев.— Архангельск, 1979, с. 257.

[13] См. об этом: Ревзина О. Г. Общая теория грамматических категорий.— В сб.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 5—38.

менной позиции; с точки зрения грамматической, рифма «совалася — хваталося» зеркально противоположна рассмотренной паре «лес — залез»: у глагольных форм все характеристики одинаковы, кроме рода. Возможно, само появление формы среднего рода вызвано необходимостью рифмовки[14].

Маскулинизация Горя в песенном фольклоре, возможно, способствовала превращению этого слова в личное собственное имя мужского пола в языке народных сказок: В. И. Чернышев обнаружил в одной бытовой сказке героя по имени Горя Кручинин, причем исследователь видел здесь уменьшительно-ласкательную форму от имени «Егор»[15], хотя очевидна связь с Горем, а само наименование восходит к популярному в фольклоре синонимическому сочетанию «горе — кручина»[16].

Опыты персонификации Горя в новой русской литературе так или иначе ориентированы на фольклорную и древнерусскую традиции. Ярким примером служит стихотворение П. А. Вяземского «Горе»:

Радость — жизни гость случайный,
Промелькнет — и замер след,
Горе,— налицо, иль тайный,
А всегда наш *домосед*[17].

Далее, на протяжении шести катренов, слово «горе» не встречается, а употребляется местоимение «он», мужской род которого объясняется влиянием антропоморфизирующего предиката «домосед»:

Он хозяин в доме нашем,
Мы его ученики,
На него орем и пашем,
В два ярма и в две руки.

Линия мужского рода-пола продолжается в четвертом и пятом катренах словами «старик» и «он». Шестой и седьмой катрены — отступление от основной темы, а в восьмой и девятой строфах вновь появляется само существительное «горе»:

---

[14] Мужской род-пол Горя является отраженным родом-полом «я», т. е. речь в данной песне идет, по-видимому, о молодце. Сказительница же в акте исполнения отождествила себя с «я» песни (ср., предполагаемый вариант: «Куда бы ни совался,//За все хватался»).

[15] Чернышев В. И. Избранные труды: В 2-х т.— М., 1970, т. 1, с. 326.

[16] Примечателен тот факт, что Горе (Горе Луковое, Горюшко) в современном русском языке является исключительно мужским прозвищем; см. об этом: Ушаков Н. Н., Васильева В. Д., Клюева Н. П. О грамматических особенностях прозвищных имен.— В сб.: Ономастика и грамматика. М., 1981, с. 113 (Ср. воровскую кличку «Горе» в «Калине красной» В. М. Шукшина).

[17] Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т.— М., 1982, т. 1, с. 337—338.

1) Им *горе* намекни...
2) Так я *горю* и служу...

В конце стихотворения впервые появляется местоимение «оно», противопоставленное форме мужского рода-пола «он», употребляемой в начале и середине текста:

Где ж *оно* меня не травит,
Там не менее того
Мне и в роздых душу давит
Страх наткнуться на него.

Здесь, наряду со словом «горе», употребляется «страх»; само это соседство способствует появлению элементов метонимического олицетворения существительного мужского рода, с одной стороны, и намека на деперсонификацию Горя, с другой стороны.

Итак, средний род («горе», «оно») образует своеобразную семантико-грамматическую рамку текста, в которую заключена линия мужского рода-пола («он», «хозяин», «старик»), развивающая антропоморфизацию образа; роль связующего звена («переключателя» рода) между двумя этими линиями играет имя-персонификатор «домосед».

Намек на грамматическую маскулинизацию этого образа находим и у А. К. Толстого: в стихотворении «Чужое горе» персонифицированное Горе говорит богатырю: «Я тебе не чужой»[18]. Мужской род-пол здесь прямо противопоставлен среднему роду («чужой» — «чужое») в заглавии текста и в его финале («Чужое, прошедшее горе»). Возможно, именно знакомство с песней из сборника К. Данилова повлияло на семантико-грамматическое построение образа Горя у двух поэтов[19]. В стихотворении же «Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньице!» пол Горя колеблется: «Аль ты горе, богатырь могуч»,— само Горе говорит: «Выступаю-то я красной девицей...»[20]. Этот текст связан с традицией феминизации персонифицированного Горя, основанной на его ассоциации с такими именами женского рода, как «доля (недоля)», «нужда», «беда», «тоска», «кручина», синонимизирующимися в языке фольклора. К этой традиции принадлежит образ в стихотворении А. В. Кольцова «Горе», где герой, обращаясь к «горю горькому», вначале сравнивает его с «ночной татью», а потом прямо называет «гостьею всем не-

---

[18] Толстой А. К. Собрание сочинений.— М., 1963, т. 1, с. 252.

[19] Ср. также намек на маскулинизацию Горя в раннем стихотворении Е. А. Баратынского «Веселье и Горе» (1825), где олицетворенные персонажи названы «друзьями». (Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. — Л., 1957, с. 116).

[20] Толстой А. К. Указ. соч., с. 93—94

радостной»[21]. В других произведениях поэта речь идет о «горькой доле», «деревенской беде»[22].

Исключительно последовательно и широко проведена феминизация Горя в пьесе-сказке С. Я. Маршака «Горя бояться — счастья не видать»[23]. Горе имеет женский облик, так в ремарке: «Из дупла, словно из окошка, высовывается старушечья голова» (с. 380). Существительное «горе» остается среднего рода. Горе так о себе говорит: «Это радость красна, а горе серо»; «Горе — оно пьющее»; про него другие персонажи говорят: «Мое горе»; «Заснуло лихо окаянное». Местоимения же «я» и «ты», относящиеся к Горю, имеют при себе родоизменяемые слова женского рода. Женский род *«я»*: «прожила», «лыком подпоясана», «не выспалась», «озябла», «уморилась», «изголодалась», «иссохла», «съела», «самой-то», «самая». Горе о себе поет:

Уродилась я на свет,
Горькая сиротка (с. 401).

Женский род *ты*: «проклятая», «родимая», «сама», «постылая», «неотвязная», «не глядела бы». Разные персонажи обращаются к Горю так: «бабушка», «голубушка», «матушка», «старуха». Примечательно, что в речи солдата средний род связан с третьим лицом: «Оно и сейчас при мне»; «Под солдатской шинелью ему и место»; «Захирело оно у меня в табакерочке». Женский же род появляется в словах этого героя только при втором лице: «Будь здорова!». Лишь однажды, в реплике царя, *ты*, относящееся к Горю, имеет средний род: «Вот горе, будь ты проклято!» (с. 402). Впрочем, это «отступление» можно объяснить экспрессивностью речи: «горе» здесь употреблено не в значении имени героини, но как междометие.

Таким образом, в пьесе прослеживается последовательное отчуждение на грамматическом уровне признака пола от имени персонажа. Наглядную картину динамики рода дает следующий диалог:

Солдат. Что он тут сказал? Про *какое такое горе-злосчастье*?
Горе. Это он про *меня,* служивый, сказал.
Солдат. А кто же *ты* будешь?
Горе (показываясь). Я — *твое горе злосчастье.*

---

[21] Кольцов А. В. Стихотворения.— Л., 1953, с. 225—226.

[22] Ср. также феминизацию этого образа («печали дева») в поэме В. Хлебникова «Горе и Смех» (входит в состав «сверхповести» «Зангези»), где женский пол дополнительно мотивирован противоположным значением признака у Смеха: Хлебников В. Собрание произведений.— Л., 1931, т. 3, с. 362—363.

[23] Маршак С. Я. Собрание сочинений.— М., 1968, т. 2, с. 377—422. (Далее страницы пьесы указываются в тексте).

Солдат. *Мое горе-злосчастье? Да откуда же ты, баба, взялась?*[24]

Феминизацию Горя следует связать с Лихом народных сказок, появляющимся в образе женщины. А. А. Потебня, исследовавший первичную семантику корня «лих-» в славянских и балтийских языках, писал о выражаемой этим корнем изначальной связи понятий «несчастье» и «нечет»[25] — традиционное сочетание «лихо одноглазое» представляет собой этимологическую фигуру. Современные исследователи отмечают, что мифологическое мышление, проецируя оппозицию «мужское/женское» на противопоставление «чет/нечет», сближает признаки *женский* и *нечетный*[26]; отсюда закономерным оказывается женский пол олицетворенного Лиха, с чем мы и встречаемся, например, в знаменитой сказке из сборника А. Н. Афанасьева[27].

Итак, рассмотрен ряд примеров персонификации Горя, который дает, на наш взгляд, представление о формах сексуализации имен среднего рода. В антропоморфизации субстантивов этого родового класса важную роль играет литературная и/или фольклорная традиция — признак пола приобретает повышенную художественную условность. Если у олицетворенных имен мужского и женского рода лингвопоэтический признак пола опирается на род, то у слов среднего рода этот признак, не находя опоры в самом антропоморфизируемом субстантиве, сосредоточивается вне его: в существительных-персонификаторах, в местоимениях *я* и *ты*, причем эти слова стремятся к автономии, грамматическому господству. Образующуюся семантико-грамматическую ситуацию можно охарактеризовать как «преодоление» среднего рода при олицетворении, «борьбу» с ним; предел действия этой тенденции — изменение родовой принадлежности персонифицированного субстантива. Грамматическая же маскулинизация Горя в народных песнях корреспондирует диалектным примерам типа «такой горя»[28]. Не является ли «преодоление» среднего рода при олицетворении

---

[24] Интересно, что Маршак в стихотворном эпиграфе к «Ламентациям» Г. Гейне перевел «Frau Unglück» как «тетка Горе»— в старом же переводе В. Ещина «дама Несчастье»; см. об этом: Гинзбург Л. В. Над строкой перевода.— М., 1981, с. 124—125.

[25] Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии.— Харьков, 1914, с. 194—195.

[26] Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. (Древний период).— М., 1965, с. 178.

[27] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева.— М., 1958, т. 2, с. 431—432. Ср. маскулинизацию Лиха в стихах Ф. Сологуба: «Я странник унылый и бледный,//А Лихо — мой верный вожатый...» (Сологуб Ф. К. Собрание сочинений.— СПб, 1914, т. 9, с. 90). Мужской пол объясняется как ассимиляцией по полу с лирическим героем, так и влиянием образа Горя.

[28] См.: Чернышев В. И. Указ. соч., с. 202—203.

и вытеснение его мужским или женским родом в говорах русского языка[29] двумя проявлениями (конечно, разномасштабными) одной системной тенденции, свойственной многим индоевропейским языкам: тенденции к элиминации среднего рода? Ведь оба «проявления» имеют одну и ту же главную причину: асемантичность среднего рода. Дать ответ на этот вопрос, как и на ряд других, позволит всестороннее исследование проблемы «Средний род и олицетворение»[30].

[29] См. об этом, например: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке.— Л., 1927, вып. 1, с. 1—80; Русская диалектология. /Под ред. П. С. Кузнецова.— М., 1973, с. 102—104.

[30] Данная статья является частью работы, посвященной этой проблеме.